

Несколько человек вернули себе самообладание, но, глядя на замерзшего от гнева Чжао Цзяньчэна, невольно вздрогнули и наперебой принялись молить о пощаде:

— Товарищ Чжао, мы... мы просто переживали за Цзяньго, ничего такого в мыслях не было.

— Да уж, дядя Чжао, Цзяньго — такой видный парень, а знающая Цзян вечно им помыкает. Всем вокруг больно на это смотреть, вот мы и... и...

— Чушь собачья! С чего бы это вам проявлять такую заботу?

Цинь Фэнъин быстрым шагом бросилась вперед и со злости толкнула их. Женщины не ожидали нападения, полетели с бровки поля прямо на сухие жесткие комья земли и теперь морщились от боли, тяжело дыша и глядя на нее исподлобья, но не смея сказать ни единого грубого слова.

— Ты... ты что творишь? Разве нельзя поговорить по-хорошему? Чего сразу распускаешь руки?

— Что творю? А по-вашему, что я творю?

Приняв вызывающую позу, Цинь Фэнъин уперла руки в боки и свирепо уставилась на них:

— Посмейте еще раз распустить слухи о моем сыне — и я заставлю его дядю сгрести вас всех до единой!

— Хватит!

Чжао Цзяньчэн обрвал ее на полуслове, заложил руки за спину и подошел ближе. Бросив на женщин холодный, равнодушный взгляд, он перевел глаза в сторону пункта знающей молодежи и процедил:

— Зарубите себе на носу: это в последний раз. Если я еще хоть раз услышу, что кто-то мелет языком... Хм!

Не договорив, он грозно зыркнул на них и зашагал прямо к дому. Цинь Фэнъин проводила мужа растерянным взглядом: в ее глазах читалось полное недоумение — она никак не ожидала, что он так просто всё замнется.

Комок злости застрял в груди, не находя выхода, но устраивать скандал она не решалась, опасаясь окончательно разозлить Чжао Цзяньчэна и навлечь на себя беду. С презрительным сплеском она плюнула в сторону Ли Чуньлань и остальных, после чего вприпрыжку бросилась догонять мужа.

А бабы так и остались сидеть в поле бледными лицами, переводя испуганные взгляды друг на друга, дрожащими губами и не смея вымолвить ни слова.

Догонявшая Чжао Цзяньчэна Цинь Фэнъин заметила, что тот по-прежнему мрачнее тучи, и оттого немного оробела, но всё же осторожно поинтересовалась:

— Хозяин, и что ты теперь думаешь насчет Цзяньго?

При этих словах гнев на лице Чжао Цзяньчэна вспыхнул с новой силой. Он крепко стиснул зубы, а на лбу вздулись вены:

— Ступай на пункт знающей молодежи, позови Цзяньго. Смотри только, чтобы никто не видел.

— Ой, хорошо!

Получив указание, Цинь Фэнъин тут же свернула на перекрестке и поспешила к пункту. Чжао Цзяньчэн проводил жену взглядом, повернул обратно к дому, взял свой велосипед марки «Феникс» с рамой и покатыл в поселок.

Когда Чжао Цзяньго нес Цзян Хунмэй на спине обратно к пункту знающей молодежи, Лу Сяюэ и остальные как раз готовили ужин. Увидев, как эти двое болтают, смеются и чуть ли не щекой к щеке прижимаются друг к другу, все присутствующие просто остолбенели.

Никто из них и представить не мог, что у этих двоих хватит наглости зайти так далеко. Хотя в последние годы гайки закручивали не так сильно и даже поощряли свободные отношения среди молодежи, это было уже чересчур.

Ли Цзяоцзяо с презрением окинула их взглядом, подумав, что нерастраченный на поле гнев наконец-то нашел выход, и ядовито бросила:

— Товарищ Чжао, вы бы хоть приличия соблюдали! Конечно, оба не женаты, оба свободны.

Но Цзян Хунмэй только и твердит целыми днями, что Гу Юй — её жених, а вы вроде как просто близкий друг. И то, что вы сейчас вытворяете...

Она ткнула в них пальцем и презрительно усмехнулась:

— Чем вы занимаетесь? Наставляете Гу Юю рога?

При этих словах лица обоих мгновенно перекосило. Чжао Цзяньго почувствовал, как руки, обнимавшие его за шею, медленно разжимаются, и от этого в нем закипела ярость. Он гневно прикрикнул:

— Товарищ Ли, ты вроде бы училась где-то, повидала жизнь, а мыслишь как последняя грязнуля! Точь-в-точь деревенская баба!

— Ха! Это я-то мыслю грязно?

Ли Цзяоцзяо скривила губы в усмешке и закатила глаза так высоко, что едва не увидела затылок:

— Чжао Цзяньго, послушай меня: именно потому, что я училась и получила образование, я знаю, что такое честь, долг и стыд! А кроме того...

Она скосила глаза на стоявшего перед ней мужчину, и её взгляд пронзил его лезвиями ножей. Слова лились без малейшего намека на вежливость:

— Хватит строить из себя аристократа и смотреть на деревенских баб свысока! Прежде чем ругаться, подумай хорошенько: тебя самого не деревенская ли баба выродила? Сами всю жизнь ковыряетесь в земле ради куска хлеба, а еще смеетесь над крестьянками — до чего же смешно!

Услышав столь оскорбительные слова в свой адрес, Чжао Цзяньго вспыхнул с новой силой, готовый изрыгнуть любые помои:

— Ах ты, дрянь...

— Цзяньго! — окликнула его Цзян Хунмэй.

Она слегка хлопнула его по плечу и прошептала на ухо:

— Не горячись, опусти меня на землю.

Сказала она это вовсе не из страха, что Чжао Цзяньго пострадает в споре, а потому, что опасалась излишне громкого скандала с местной молодежью — оставаться здесь после такого было бы неловко.

Но смешно то, что этот круглый дурак Чжао Цзяньго решил, будто Цзян Хунмэй беспокоится о нем самом. На сердце у него сразу потеплело, словно он объелся меду, и он послушно опустил девушку на ноги.

Не успела Цзян Хунмэй коснуться земли, как тут же скорчилась от боли, издав жалобный стон, и, покачнувшись, стала заваливаться набок. Напуганный Чжао Цзяньго бросился поддерживать её, а затем яростно уставился на Ли Цзяоцзяо:

— Видела?! У Хунмэй нога повреждена, она ходить не может, я поэтому её и принес.

Подумав, он добавил:

— И с какой стати я вообще перед тобой распинаюсь? Грязному везде грязь мерещится.

— Сама ты грязна! — звонко огрызнулась Ли Цзяоцзяо.

Цзян Хунмэй в душе ехидно усмехнулась, но на лице изобразила мягкое несогласие и легонько толкнула парня в грудь:

— Цзяньго, как ты можешь так разговаривать с Цзяоцзяо?

— Замолчи, не нужно твоей фальшивой доброты! — заокала Ли Цзяоцзяо, тыча в её сторону пальцем. — С каких это пор ты стала такой искусной притворщицей?

Видя, что та упорствует в своем невежестве и продолжает цеплять Цзян Хунмэй, Чжао Цзяньго помрачнел, его взгляд сделался хищным и холодным:

— Ли Цзяоцзяо, посмей ты еще хоть раз обидеть Хунмэй — и я сделаю твою жизнь хуже смерти!

От этого кровожадного выражения лица Ли Цзяоцзяо передернула плечá, румянец с её лица мгновенно сошел, сменившись мертвенной бледностью, и пыл поутих.

И вправду! Чжао Цзяньго — сын секретаря бригады и председательницы женсовета, его дядя служит в отряде ополченцев. А она всего лишь городская знающая молодежь, отправленная в глушь, до неба высоко, до императора далеко. Если он решит вставить ей палки в колеса, родные в городе никак не смогут её защитить.

При этой мысли волна жгучего раскаяния захлестнула её с головой, заставив пару раз покачнуться от слабости, а лицо стало еще серее.

Заметив, что та испугалась, Чжао Цзяньго презрительно усмехнулся, торжествуя победу:

— Что? Онемела? Чего язык в зубах запрятала?

Цзян Хунмэй опустила глаза, пряча торжествующую усмешку, в то время как Ли Цзяоцзяо покраснела до слез в глазах, но упрямо распахнула их, глядя прямо на него, и изо всех сил сдерживалась, не позволяя пролиться ни единой слезинке.

Лу Сяюэ стало до боли жаль подругу, она поспешно шагнула вперед и придержала её за локоть:

— Цзяоцзяо, ты как?

— В-всё в порядке! — отвернулась Ли Цзяоцзяо хриплым голосом.

Разозленная тем, как Чжао Цзяньго издевается над людьми, Лу Сяюэ сверкнула на него глазами:

— Товарищ Чжао, слова Цзяоцзяо, может, и неприятны, но в них есть доля правды. Вы...

— Моего сына я, семья Чжао, сама воспитаем, и посторонним указывать тут нечего. Занимайтесь своими делами!

Внезапно раздавшийся голос заставил всех обернуться. К пункту знающей молодежи уверенной, грозной походкой приближалась Цинь Фэнъин. Остановившись прямо перед Чжао Цзяньго, она с мрачным видом бросила:

— Идем домой.

— Мам... — недовольно протянул Чжао Цзяньго.

Зачем же устраивать такое при всех? У него тоже есть мужская гордость!

Стоявшая рядом Цзян Хунмэй тоже была недовольна появлением Цинь Фэнъин: в конце концов, её появление сейчас рушило все планы.

— Ты слышал или нет? Пошли домой!

Не дождавшись ответа, Цинь Фэнъин нахмурилась. Знающая молодежь из пункта, опасаясь попасть под горячую руку, невольно отступила назад, стараясь быть незаметнее.

Но Чжао Цзяньго был жутко недоволен тем, что мать при всех сажает его в лужу. Только он собрался возразить, как разъяренная Цинь Фэнъин грубо схватила его за рукав и потащила за собой:

— Живо! И чтобы ноги твоей здесь больше не было!

Видя, что та собирается увести его, Цзян Хунмэй испугалась: если Цзяньго вернется домой и действительно подчинится воле семьи женившись на какой-нибудь деревенщине, её планы рухнут! Забыв о боли, она хромая бросилась вперед, пытаясь преградить дорогу матери с сыном.

Однако шустрая Цинь Фэнъин ловким толчком сбила её с ног. Девушка со стоном рухнула на землю:

— Ой!

— Хунмэй!

Взбешенный Чжао Цзяньго вырвал руку из материнской хватки, подбежал и бережно поднял девушку. Цзян Хунмэй тут же сморщила губки, прижалась к его груди и тихо, прерывисто заскулила:

— П-председательница Цинь... Ч-что я сделала не так? За что вы меня так ненавидите? Ууу... Скажите, я обязательно исправлюсь!

Услышав это, Чжао Цзяньго едва не расплавился от жалости и бросился успокаивать её:

— Не слушай глупости, мама вовсе не ненавидит тебя, она не со зла.

—

Все присутствующие знающие передернулись от отвращения. Им нечего было сказать на этот цирк, и они закатили глаза так далеко, что стало больно. Никто и подумать не мог, что Чжао Цзяньго до такой степени потеряет голову из-за Цзян Хунмэй.

А Цинь Фэнъин от злости прямо-таки покраснела. Стоило ей вспомнить те разговоры о сыне, что она слышала сегодня в поле, как печень заныла от боли, и ей захотелось живьем содрать шкуру с Цзян Хунмэй.

Недолго думая, она подскочила к ним, оторвала девушку от груди сына и с размаху толкнула в сторону Ли Цзяоцзяо и остальных. Под испуганные возгласы окружающих женщина мертвой хваткой вцепилась в Чжао Цзяньго, который снова попытался броситься на помощь, и заорала:

— Если ты сейчас же не пойдешь со мной, я прямо сейчас выйду на улицу и выложу всем всю правду о её позоре! Пусть вся коммуна «Хунци» узнает, что наша знающая Цзян из бригады крутит хвостом перед двумя сразу, служит одному и другому!

— Мам! Что ты мелешь?!

Чжао Цзяньго вытаращил глаза и с недоверием посмотрел на тяжело дышащую и люто зыркающую на него мать. Он никак не мог взять в толк: как человек, который всегда так любил его и потакал во всем, может сейчас отчитывать его при чужих людях и так жестоко обращаться с чистой, невинной и доброй девушкой?

В сердце вскипела ненависть к матери, он совершенно не думал о том, что она действовала из лучших побуждений.

А Цинь Фэнъин, видя, что он не только не сдвинулся с места, но еще и смотрит на неё с укоризной, почувствовала, как её собственный мир рушится.

Она с яростью оттолкнула его руку, стремительно зашагала прочь и сквозь зубы процедила:

— Хочешь с ней возиться — возись до конца! Я сама пойду в коммуну и спрошу у людей: неужели та из знающей молодежь, что ведет себя распутно и крутит романы с обоими парнями сразу, не заслуживает того, чтобы её сгноили в тюрьме?!

Испугавшись, что мать шутит всерьез, Чжао Цзяньго бросился за ней:

— Мам! Мама! Не надо глупостей, я иду с тобой, только не трогай Хунмэй!

Услышав это, Цинь Фэнъин обернулась на валявшуюся на других знающих Цзян Хунмэй и злобно пригрозила:

— Бесстыдная лисица! Предупреждаю: еще раз сунешься к моему сыну — шкуру с живой сдеру!

После этого она волоком потащила за собой нерешительно оглядывающегося сына и быстро покинула пункт. Сейчас она напрочь забыла, что еще совсем недавно сама планировала женить его на этой самой девице.

Убедившись, что они ушли, взбешенная Ли Цзяоцзяо оттолкнула от себя привалившуюся к ней и Лу Сяюэ Цзян Хунмэй:

— Встань!

Однако та от толчка завалилась назад. То ли её действительно задела за больную ногу, то ли она притворялась, но Цзян Хунмэй вцепилась руками в голень и пронзительно заголосила:

— Ой, больно! Моя нога...

Ли Цзяоцзяо побледнела и уже хотела было броситься на помощь, но вспомнила, что толкнула её совсем слабо — с чего бы той так сильно падать и травмироваться? Смерив её презрительным взглядом, она молча потянула за собой Лу Сяюэ и ушла к себе.

Остальные знающие молодые люди, видя, что те ушли, тем более не собирались задерживаться: сделав вид, что ничего не замечают, все разошлись по комнатам.

На площадке осталась лишь одна Цзян Хунмэй, которая полулежала на земле и продолжала заливаться слезами.

В другое время никто не проявил бы к ней такой холодности и подозрительности, но за последние дни обитатели пункта досыта нагляделись на её спектакли, решив, что она в очередной раз разыгрывает жалость ради сочувствия.

Правда, орала она громко — рыдания не прекращались добрых полчаса. В конце концов, староста пункта Ван Хунбо не выдержал и попросил двух девчонок затащить её в комнату и уложить на кан, после чего наступила тишина.

Впрочем, после сегодняшнего инцидента отношение к Цзян Хунмэй испортилось окончательно. Пожалуй, о том, чтобы наладить отношения с коллективом пункта, ей теперь оставалось только мечтать.

Усадьба на полугоре.

Шэнь Цзянань протянул коробочку для еды Гу Юю и серьезно наказал:

— Брат Гу, сходи туда и обратно поскорее, я хочу кое о чем с тобой поговорить.

Гу Юй редко видел его таким серьезным и невольно нахмурился, гадая, не случилось ли у юноши каких-то неприятностей. В его голосе прозвучало легкое беспокойство:

— Нельзя сказать прямо сейчас?

Шэнь Цзянань на мгновение замер, а затем с улыбкой покачал головой:

— Тут дело сложное. Вернешься — сядем и спокойно всё обсудим.

Услышав это, Гу Юй больше не стал спорить:

— Ладно!

Он взял коробочку и быстрым шагом вышел за дверь. Шэнь Цзянань прибрался в комнате, уселся на кан и принялся мысленно звать тот самый голос, что прозвучал сегодня утром.

Однако, как он ни пытался угрожать или завлекать его посулами, голос больше не подавал признаков жизни. Шэнь Цзянань чувствовал себя неуютно: он не верил, что столь токсичный и искаженный сюжет так просто оставит в покое его и Гу Юя — впереди наверняка заготовлена еще пара-тройка ловушек.

Поэтому до тех пор нужно было придумать, как сделать их с Гу Юем роли незаменимыми, чтобы они могли на равных противостоять главным героям и благополучно выжить в этом книжном мире.

— Что же делать?

Нахмурившись, Шэнь Цзянань откинулся спиной на кан, мысленно анализируя текущее положение.

Телохранители-родители оригинального персонажа до сих пор ни разу не заикнулись о том, чтобы вытащить его обратно в город. Видимо, с продвижением по службе возникли проблемы, и в ближайшее время они не посмеют рыпаться.

Что же до Гу Юя, то там ситуация еще сложнее: хотя его тетка замужем за высокопоставленным чиновником, а дядя находится за границей, в делах семьи Гу одно движение пальца приводит в движение весь механизм. Не имея стопроцентной уверенности, они не станут действовать опрометчиво, да и возможностей повлиять на ситуацию у них сейчас нет.

Значит, рассчитывать приходится только на себя.

Пока юноша размышлял об этом, из двора донеслись знакомые шаги. Он резко сел: Гу Юй как раз отворил дверь, задвинул засов и направился прямо к нему, присаживаясь рядом.

— Говори! О чем ты хотел поговорить?

Шэнь Цзянань поджал губы, опустив взгляд на свои пальцы:

— Брат Гу, мы перешли дорогу Цзян Хунмэй, а значит — и Чжао Цзяньго. Жизнь здесь, в коммуне «Хунци», нам теперь медом не покажется.

Думаю, нельзя сидеть сложа руки, нужно придумать, как избежать их пакостей. Иначе, если мы попадемся на их удочку, проблем не оберешься.

Он поднял глаза на Гу Юй и произнес с предельной серьезностью:

— Не думай, что я преувеличиваю. Я нутром чую, что Чжао Цзяньго непременно примется за нас из-за Цзян Хунмэй.

И тогда что? Отвечать ударом на удар или стерпеть? Если ответим, то при той злопамятности, с которой Чжао Цзяньчэн выгораживает своего сына, он точно вмешается. Нам тогда живыми не уйти, с нас живьем шкуру сдерут.

Особенно тебе — с твоим-то сомнительным происхождением. Чуть оступись — и вмиг загремишь куда надо. А если промолчим, результат будет примерно тот же. Умирать в любом случае, но ты разве согласен? Я лично — нет!

Сделав короткую паузу и взглянув на помрачневшего Гу Юя, он продолжил:

— К тому же, даже если у моих родителей неприятности, пока дело не дошло до расстрела или смертного приговора, рано или поздно всё образуется. Тогда я смогу вернуться в город или заняться чем-то еще.

Но ты — другое дело. Кроме тетки и младшего дяди, все остальные члены семьи Гу проходят через чистки в разных уголках страны. Если с тобой что-то случится, неужели у семьи Гу останется хоть какая-то надежда?

Брат Гу, ты ведь такой умный, неужели никогда не думал о том, что твоя тетка, находясь в далеком Пекине, умудрялась дергать за ниточки и решать твои вопросы? Её возможности определенно выше обычных.

Голос юноши невольно стал тише, но слова падали на слух тяжело, как молот:

— Брат Гу, помнишь знающего по фамилии Лю из бригады Сяньян?

Его ситуация была куда хуже твоей, но у него тоже была старшая сестра, вышедшая замуж куда хуже твоей тетки...

Шэнь Цзянань не успел договорить, как лицо Гу Юя сделалось белым как полотно. В памяти внезапно всплыли слова, переданные ему теткой когда-то давно: «Сяо Юй, главное — выживи, а об остальном забудь».

Он с испугом посмотрел на юношу, глаза его покраснели от подступившей крови: оказывается,

он всё это время совершенно неверно понимал смысл этих слов.

— Выкладывай. Какой у тебя план?

— Хорошо...

<http://bllate.org/book/22418/2353676>